

Белгородская региональная общественная организация
«Историческое общество «Ратник»

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА

Сборник статей и материалов по истории
Белгородской оборонительной черты

Выпуск 5

КОНСТАНТА
Белгород, 2020

УДК 94(470.325)
ББК 63.3(2Рос-4Бел)
Б43

Издано при поддержке правительства Белгородской области

Редакционная коллегия:

В.М. Жигалов, А.И. Папков, Е.В. Шварев

- Б43** Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. / Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество "Ратник"» ; [редкол.: В.М. Жигалов и др.]. — Белгород : Изд-во Сичкаревой Е.В. : КОНСТАНТА, 2020. — 250 с. : ил.

В сборник вошли статьи и материалы, посвященные различным аспектам истории Белгородской оборонительной черты. В издании рассматриваются вопросы инженерных сооружений и вооруженных сил Белгородской черты, особенности системы управления и социально-экономических процессов в районе Белгородской черты, а также археологические, историографические, архивоведческие проблемы истории этой территории.

Сборник предназначен для всех, кто интересуется историей Белгородской черты, историей России XVII—XVIII веков.

УДК 94(470.325)
ББК 63.3(2Рос-4Бел)

ISBN

© Авторы статей и материалов, 2020
© БРОО «Историческое общество "Ратник"», 2020
© Издательство Сичкаревой Е.В., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ	3
А.А. Божко. ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ Г. БЕЛГОРОДА XVII — НАЧАЛА XX ВЕКА»	4
И.Г. Бурцев, А.В. Дедук. К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА» И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАМКАХ ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ).....	14
В.С. Великанов. ОРГАНИЗАЦИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЛГОРОДСКОГО РАЗРЯДНОГО ПОЛКА В КРЫМСКИХ ПОХОДАХ 1687—1689 ГГ.	27
С.В. Глотов. КАРАЧЕВСКАЯ КРЕПОСТЬ XVII ВЕКА. ЗАСЕЛЕНИЕ КАРАЧЕВСКИМИ СТРЕЛЬЦАМИ И КАЗАКАМИ ОЛЕШНИ И БОЛХОВЦА	37
О.А. Курбатов. КОСТЮМ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ ГОРОДОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА.....	42
А.В. Малов. СМЕТЫ И СМЕТНЫЕ РОСПИСИ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА (1630–1681 ГОДОВ) В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА	50
А.И. Папков, Е.В. Дворецкий. БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ В ДНЕПРО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ НАКАНУНЕ НАЧАЛА СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ (СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА 1632—1634 ГГ.)	61
Н.Н. Петрухинцев. ОТ ЧИГИРИНА ДО «ВОСТОЧНЫХ ПОХОДОВ» ПЕТРА I: ВОЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ БЕЛГОРОДСКОГО РАЗРЯДА В «ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ» ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII В.	71
А.А. Пчелинов-Образумов, Т.В. Крылова. НЕЖЕГОЛЬСК: ОТ ГОРОДА-КРЕПОСТИ К СЕЛУ	89
Д.В. Силин. ВЛИЯНИЕ СЛОБОДСКИХ КАЗАЦКИХ ПОЛКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО УКЛАДА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА ТАМБОВСКОМ, КОЗЛОВСКОМ, ВОРОНЕЖСКОМ И ОСТРОГОЖСКОМ УЧАСТКАХ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА.....	93
А.Г. Чепухин. ПОЛКИ БЕЛГОРОДСКОГО РАЗРЯДА В АЗОВСКОМ ПОХОДЕ 1696 ГОДА. СБОР РАТНИКОВ В ГОРОДЕ ВОЛУЙКЕ.....	99
И.В. Чуриков. ВЕРХОСОСЕНСК. ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ.....	112
Е.В. Шварев. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА-КРЕПОСТИ ЯБЛОНОВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА	120

КОСТЮМ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ ГОРОДОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

О.А. Курбатов,

кандидат исторических наук,
г. Москва

В статье представлен опыт первого изучения локального костюма — одежды служилых людей городов и уездов Белгородской черты и польских городов 1640-х — 1650-х гг. — на основании сохранившихся документов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Особое внимание уделено составу и особенностям источников по истории костюма и методике их анализа.

Ключевые слова и фразы: история костюма, источниковедение, военная форма одежды, Белгородская черта, история военного дела XVII века.

В деле изучения комплексов одежды XVII в., при скудости археологического и изобразительного материала, на первый план выходят письменные источники. Именно посредством их детального анализа можно установить, из каких вещей и предметов состояла одежда тех или иных сословий Российского государства, а также проследить ее эволюцию — как в предметном, так и в терминологическом плане.

Первые опыты подобного описания костюма были сделаны еще в XIX столетии, в классических академических трудах А.В. Висковатова¹, П.И. Савvaitова² и И.Е. Забелина³. Авторы соединили анализ письменных источников с публикацией предметов богатых коллекций Оружейной палаты и заложили основу правильного понимания комплекса русского костюма. В то же время, в силу специфики источников, им пришлось ограничиться одеждой высшего сословия русского общества, в первую очередь, самой царской семьи и ближайшего окружения.

Между тем фонды российских архивохранилищ, как РГАДА, так и ряда других, предоставляют щедрые возможности для расширения источниковой базы о русском костюме. Перечни имущества, относящегося к разряду одежды и обуви, содержатся в таможенных книгах, в списках приданого или наследства, в документах о вкладах в

монастыри и т.п. Но особенно следует выделить приказные дела уголовного характера, где детали костюма были особенно важны для раскрытия дела. Обобщенно, это дела о «грабеже», «краже» и «сносе» личного имущества. Здесь можно выделить три крупные группы дел.

Во-первых, это «явочные челобитные», которые составлялись потерпевшими лицами с целью заявить о преступлении и добиться возврата утраченного имущества или его стоимости. Зачастую заявитель подробно описывал свои вещи и указывал цену каждой из них — естественно, немного завышая ее⁴.

Следующие комплексы, которые генетически связаны с первой группой, — это так называемые «обидные списки». Они составлялись в рамках дипломатической деятельности для взыскания имущества, захваченного подданными соседнего государства в ходе разбойных нападений. По сути, это сводные перечни на основе все тех же «явочных челобитных». Наиболее известные публикации «обидных списков» с богатым материалом об имуществе разных сословий России XVI — начала XVII вв., содержатся в сборниках под редакцией Б.Н. Флори⁵ и Ю.В. Готье⁶.

Наконец, третий тип документации — это дела о беглых кабальных людях. Заявителями (составителями «явочных челобитных») служили, как правило, члены Государева двора или дьяки московских приказов либо

же их представители. Для того чтобы поймать беглых, истцы подробно описывали не только их костюм, но и другие внешние приметы (цвет волос, глаз, лица, наличие увечий, возраст), а также масть и особые приметы уведенных ими лошадей. Явочные челобитные о беглых людях еще ждут своего систематического изучения. Достаточно сказать, что обзор только одного комплекса дел — переписки с городскими воеводами о девяти случаях побегов за январь — июнь 1625 г.⁷ — уже позволил сделать ряд интересных наблюдений. В частности, это касается порядка ношения «слоев» верхней одежды (поверх рубахи и портов). До настоящего времени основным источником для этого служили дошедшие до нас книги «выходов» русского царя, за ряд лет между 1632 и 1682 гг.⁸ Но в них порядок перечисления со временем меняется. Так, в 1632 г. осенью сначала упоминалась однорядка, затем фerezи и зипун. После этого — шапка. Зимой — сначала шуба, затем «кафтан становой», потом зипун, шапка и посох. Летом все то же, только вместо однорядки или шубы — легкий нарядный опашень. Иными словами, одежды перечисляются от верхней к нижней. Но вдруг 13 июля 1646 г. порядок безо всякого объяснения меняется: теперь первым в списке идет зипун, потом фerezи, опашень и шапка.

С 20 августа 1646 г. царь (Алексей Михайлович) традиционно начинает менять опашень на однорядку, явно в зависимости от погоды (однорядка из толстого сукна без подкладки служила своеобразным пальто на ненастную погоду); шуба в первый раз фигурирует вместо однорядки только 20 декабря⁹. Так или иначе, некий общий взгляд на нормативные термины и нормативные детали мужского костюма книги «Выходов» дают. Однако среди имущества других сословий встречаются многочисленные одежды, так сказать, вне стандартной схемы. Например, кожан — кафтан из тонкой кожи, надеваемый в первую очередь для поездок и разных полевых работ; полукафтаны крашенные — легкие длинные или укороченные «балахоны»;

полукафтаны кожаные (те же кожаны); чекмени; бешметы; доломаны; просто «сермяги». Кроме шапок люди носят «колпаки». В каком порядке перечисляется пограбленное или снесенное имущество — от верха к исподу или наоборот — далеко не всегда понятно и очевидно. И здесь описания примет беглых холопов оказываются как нельзя кстати.

Например, оказывается, что «кожан», который зачастую носится вместе с кожаными штанами, надевался всадником непосредственно поверх исподнего: «А на нем платье: зипун сер, да под исподом кожан, да штаны кожаные, да колпак ветчан». Кроме того, не всегда терминологически соблюдается правило, что зипун носят под кафтаном: «А на нем платье: зипун сер, да под исподом кафтанишко крашенное, да колпак новой — подложен киндяком червчатым»¹⁰. Здесь, конечно же, имеется в виду легкий полукафтан (из крашеины делали именно полукафтаны)¹¹, и вполне естественно было поверх него надеть «серый», явно сермяжный или суконный «зипун». Главное, что сами авторы челобитных не видели в таком «нарушении терминологии» никакой проблемы.

Но самое важное — это понять, как перечни «явочных» челобитных превращаются в перечни для розыска беглецов. В большинстве случаев указов воеводам перечисление, уже без уточнений типа «под исподом», идет от верхней одежды к нижней — так же, как и в первых книгах «Выходов». После различных кафтанов указываются суконные штаны (если были), а уж затем — шапки. Впрочем, в самих явочных челобитных их авторы явно не всегда соблюдали весь порядок (что естественно в состоянии стресса), и в целом мы находимся здесь только в начале разработки обширной темы.

Костюм ратных людей городов от Поля и городов Белгородской черты

Получая из казны новое однотипное оружие и снаряжение, ратные люди как полковой, так и осадной службы в 1630-х — 1650-х гг. оставались в своей обычной одежде, при-

сущей конкретному региону и его традициям. Наиболее полные комплексы костюма городов «Новой черты» описаны в исковых челобитных украинских служилых людей, поданных в Разрядном приказе в 1640-х — 1650-х гг.¹² Исходя из перечней похищенных или отобранных вещей, можно составить представление почти обо всех элементах костюма, бытовавшего в польских городах и по Белгородской черте.

Итак, исподнее — это рубахи и порты из льняного или конопляного полотна (холста). В страдную пору, на сенокосе или в поле, служилые люди нередко оставались только в этой одежде, иногда дополняя ее уже упомянутым выше кожаном. Так описали идущих с полевых работ сокольских драгун их тульские капралы во время бунта 1648 г.: «Пришли к старому Сокольскому острогу с пищальми, и с рогатинами, и с ослопы, в кожаных и в одних рубахах»¹³.

Во время каких-то поездок и просто в повседневной жизни они надевали на себя сермяжные зипуны — как правило, «белые», а не «серые» («зипун сермяжной — сукно белое») ¹⁴. Обычно это связывают с цветом шерсти овец, однако в одном из документов встречается понятие «самобельщина» («две сукни женския ж самобельщины») ¹⁵. Подобный комплекс описан на Дее Кольцове, сыне козловского сына боярского Саввы Кольцова. Дей был похищен донскими казаками в 1663 г., будучи в дороге: «А у сына-де иво взяли пищаль — цена два рубли. Да на сыне де было платья: кавтан белой сермяжна, цена рубль, да шапченка ветха, да портки и рубашка» ¹⁶.

При «полном» комплекте костюма, городского или просто высокого статуса, поверх зипуна надевался кафтан, однако у украинских ратных людей подобное сочетание в чистом виде встречается крайне редко. К примеру, у белгородского сына боярского Ивана Чурсина: конвоировавшие его карповские драгуны «вывезали де у него ис торок ковтан белой сермяжной новой, да оторвали де пистоль» ¹⁷ — зипун при этом оставался на нем самом. Судя по упоминанию и каф-

тана (сверх зипуна), и пистоля, белгородец старался поддерживать свой высокий статус сына боярского. Но чаще встречается чисто походный, дешевый вариант пресловутой «двуходежности»: сын кромского сына боярского Федора Конева был одет в «ковтан белой, сукно обиноя» ¹⁸ — цена полтора рубля, до кожан козловой — цена сорок алтын» ¹⁹. В других случаях кожаны могли сочетаться и с зипунами.

Еще пару раз мы видим «зипун однорядочный» ²⁰ — видимо, сермяжный зипун без подкладки, дешевый и легкий. Другой вариант летней одежды — кафтаны из крашенины или киндяка (цветной льняной или хлопчатобумажной ткани). Кафтаны из крашенины упоминаются орловским воеводой кн. Л.М. Волконским, когда он живописал убогость внешнего вида бежавших со службы орловских «кормовых драгун» (октябрь 1646 г.): «А привели, государь, тех драгун перед меня, холопа твоего, всех пеших, в зипунишках худых сермяжных, а иные в полуковтанишках крашенинных, а иные в одних рубашенках, а на иных и рубашенак нет — наги, и даправить государь на них за лошади и за ружье нечева» ²¹. Замечательно, что перечислены предметы одежды, несмотря на явную эмоциональность описания, в строгом порядке от верхней к нижней (зипун сермяжный — полукафтан крашенинный — рубашка). С другой стороны, некий козловец Сидор Иванов был одет в «зипун отнерядочной, <...> ковтан киндячен», то есть на нем красивый хлопчатобумажный кафтан сочетался с сермягой; впрочем, в каком порядке они были надеты, в данном случае не совсем понятно.

На голове носили шапки с суконным верхом, обычно «вишневого» цвета (если цвет вообще упоминается). У летней шапки околыш обшивался импортным «пухом немецким» (войлоком из бобрового подшерстка), а зимой ставили мех различных местных животных: лисицы, русака и т. п. Изнутри зимние шапки также подбивались мехом: «шапка вишневая, испод куней» ²² (то есть из меха куницы).

В качестве обуви в поездках и походах круглый год, по всей видимости, использовали разные виды кожаных поршней, которые из-за их дешевизны не имело смысла снимать при грабеже или указывать в исковых челобитных. В исковых челобитных южнорусских ратников указаний на какие-либо типы обуви нет вообще.

Бытовое снаряжение как деталь костюма (ножи, мусаты, борошня)

И поверх зипунов, и поверх шуб нередко носили разного рода пояса. В перечнях упоминаются:

- пояс шелковый;
- «опояска нитяная», плетенная из шерстяных ниток («опояска нитяная, нити синие и белые»)²³;
- «опояска» с ножом и мусатом в паре с шелковым поясом;
- «черес» — кожаный или матерчатый пояс в виде зашитого рукава, внутри которого хранили деньги и другие ценности.

На поясе украинный служилый человек крепил мошну (кожаный кошель) и нож с мусатом — точильным камнем. При седле обычно возили «путные» медные котлы, а также топоры и плети.

Хорошо снаряженный для «дальней конной службы» ратник мог иметь на себе до трех разных опоясок. Так, холоп луцкого сына боярского А.В. Бешенцева, ограбленный под Ельцом летом 1646 г., был одет («с исподу» вверх) в кожан лосиный с нашивками, «полукавтанье крашенинное с ожерельем стоячим» и лазоревый кафтан (судя по цене в три рубля, суконный). При этом с него были сняты грабителями:

«апояска черлена везеная польская, цена пять алтын с копейкою,

да через з деньгами, а в чересу денег рубль, а чересу цена два гроша, <...>

да ножик с ременным тотауром да мусат, цена четыре алтына две денги»²⁴.

Тотаур (татаур) по Савваитову — «ременной пояс с металлическими наконечниками, в роде употребляемых монахами и

послушниками, иногда вышитый золотом и серебром <...> У Монголов татаур означает вообще затяжку, пояс». В каких сочетаниях носились все эти опояски, можно только догадываться; например, черес с деньгами владелец мог прятать подальше, под кафтаны, а нарядные опояску и татаур, напротив, выгоднее было выставить напоказ.

Епанчи

От непогоды служилые люди укрывались войлочными дорожными накидками: «епанчи валяные» в обязательном порядке приторачивались к седлу или перевозились на стругах. Посланник литовского гетмана Госевского Стефан Медекша так описал драгунский отряд, который прибыл для охраны иностранных посольств под Борисовом: «Пришла потом командированная драгуния, вся в белых епанчах, коней 80» (август 1657 г.)²⁵. Таким образом епанчи у южнорусских всадников, как и сермяги, были «белыми» даже с точки зрения литовцев. В актовом материале Разряда сочетание «епонча валеная белая» или короче «епанча белая» довольно часто встречается в перечнях имущества служилых людей Белгородской черты (белгородских детей боярских²⁶, добренских драгун²⁷). Иногда встречаются варианты, как, например, у козловца С.Г. Иванова в 1648 г. пограбили «епончю крымскою, обинною — цена три рубли»²⁸.

Важной чертой всех рассмотренных явочных челобитных является унификация названия дорожного плаща («епонча», «епанча»), тогда как альтернативный термин: «емурлук» — полностью отсутствует. Между тем среди вещей, которые шились в Казенном приказе, емурлуки как плащи из более дорогого сукна с подкладкой описываются довольно часто.

Зимнее платье — шубы и тулупы, штаны суконные и рукавицы

Зимой драгуны носили овчинные тулупы разного кроя и отделки: различались «шуба борановая одевальная» и «кафтан шубной».

Кроме того, часто упоминаются рукавицы. Поверх или вместо полотняных портов надевали суконные штаны²⁹.

В целом, комплекс одежды был до крайности функционален и приспособлен к жизни в южнорусских степях³⁰. При этом почти все материалы для костюма (за исключением разве что «пуха немецкого») вырабатывались в самом хозяйстве драгун и других служилых людей и стоили очень дешево. Вот, например, комплект зимней одежды отца царев-алексеевского сына боярского Панкратия Евтифеева: «кафтан шубной, зипун белой, шапка, рукавицы, штаны, всево платья на пять рублей» — это при несомненном завышении цены в исковой челобитной³¹. Тексты исковых перечней не содержат каких-то конкретных данных об отделке предметов одежды, однако упоминание в ряде мест шелковых шнуров, цветной пряжи, берда указывает на то, что они могли быть неплохо украшены, несмотря на дешевую основу (сермягу).

Сбор «драгунских шуб» зимой 1646—1647 годов

В 1638—1647 гг. сначала на тульских и рязанских засеках, а затем в городах Белгородской черты несли службу крупные полки солдатского и драгунского строя, состоявшие из так называемых «кормовых» солдат или драгун. Это были, по сути, наемные солдаты, служившие за денежное жалованье и получавшие дополнительные деньги на приобретение приличного платья. Служба эта, как правило, охватывала весь весенне-осенний период, а с наступлением холодов полки официально распускались. Однако в сентябре 1646 г., по окончании строительства земляного вала между Карповом и Белгородом, полки были оставлены на позициях в ожидании нового зимнего татарского набега.

Для того чтобы обеспечить драгун (солдатских полков тогда не было) зимней одеждой, воеводы стали выдавать им деньги на приобретение «шубных кафтанов». Однако

возможности рынка городов «от Поля», не говоря уж о «новых городах по Черте», оказались недостаточными, чтобы удовлетворить потребность в тулупах пяти тысяч драгун — тем более, что в первую очередь должны были закупиться московские стрельцы (до двух тысяч человек). Узнав об этом, царь в начале декабря велел срочно прислать необходимое количество «шуб» из городов Замосковского края — Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Углича, Владимира и других — всего 4200 штук³². Через месяц, 5 января 1647 г., ко кн. Н.И. Одоевскому на Ливны было отправлено 1100 кафтанов или «драгунских шуб», да еще 600 — в Яблонов; 7 января 648 «шуб» отправили через Тулу и Ливны драгунам на Оскол; затем на Ливны послали еще почти 500 штук... Тулупы продолжали свозить из городов в Разряд до февраля, когда было принято решение распустить драгун по домам. Неотправленные кафтаны 12 февраля отослали в приказ Большого прихода, где собрали московских купцов и велели им, запечатав, бережно хранить их по своим лавкам до следующей зимы — своих складских помещений у приказов для этого не было.

Дело о шубных кафтанах интересно не только как один из первых примеров масштабного обеспечения платьем полков «нового строя». Часть из них была забрактована приказными при приемке, что позволяет выяснить особенности этого типа одежды. В первую очередь, они должны были быть «полные и широкие», то есть достаточно большие и с добротной отделкой. Так, шубные кафтаны из Переславля-Залесского оказались «не против государева указу — коротки и уски, да в том же числе дватцать кафтанов в длину немного аршина больши и в ширину гораздо скудны»³³. В ряде городов воеводам приходилось заказывать срочное изготовление недостающих тулупов у местных портных, и результатом такой спешки стала, например, забракровка ростовских изделий³⁴: «И те ростовские шубные кафтаны — только овчины сслоненные, и не опушены»³⁵. И за ту цену по государеву указу на

ростовцев на посадцких людех велено взять сверх указных двусот кафтанов пятьдесят кафтанов шубных добрых и полных и широких со всем в отделке. А к Василью Высоцкому писано в Ростов с опалюю за то, что он кафтаны прислал не против указу, совсем не в деле»³⁶. Таким образом, требовалось, чтобы кафтаны были достаточно просторны, длиной аршина полтора или больше, опушенные по всем краям ирхой (тонкой кожей)³⁷ и, видимо, с какими-то застежками. Покрывать тулупы сукном или иной материей не требовалось, хотя из богатого Нижнего Новгорода по причине нехватки простых кафтанов частично прислали «кошули», то есть именно крытые овчинные шубы³⁸.

Добавим, что после кампании 1647 г. часть драгунских шуб неизбежно осталась в руках служилых людей городов «по Черте», либо с самими драгунами, поверставшимися в поселенные части Царева-Алексеева и других мест, либо в качестве проданного или заложенного у местных жителей имущества.

Попытки регламентации служилого платья 1647—1654 гг.

Описание быта и костюма служилых и просто «жилецких» людей новопостроенных городов, казалось бы, являет нам достаточно непротиворечивую картину: их одежда большей частью местного изготовления, что называется, на основе «натурального хозяйства». И тем неожиданнее встретить первые опыты регламентации служилого платья, инициатива которых исходила от московских воевод. Оба примера относятся к истории драгун Комарицкой волости, поверстанных в эту службу в 1646 г. из дворцовых крестьян.

В марте 1648 г. к царю с обширной челобитной обратились «всех четырех станов все драгуны», живописуя бедствия, которые обрушились на «одинаких людишек» из их состава: имея малолюдные семьи, они были вынуждены нести службу полностью наравне с многолюдными дворами («писа-

ны, государь, мы, холопи твои, по писцовым книгам Офонася Зеновьева в твою государеву драгунскую службу со всякого двора по человеку, с семьянистых и с одинаких дворов <...> семьянистые и одинакие люди беспрестанно служим ровно») ³⁹. Как бы завершая картину своих бедствий, драгуны пожаловались на одну уж совсем необычную инициативу севских воевод и драгунских командиров: «Да нам же, государь, бедным, твои государевы стольник и воеводы Замятня Федорович Леонтьев да Иван Семенович Кобыльской и начальные люди немцы велят держать лошади нарочетые и покупать платья — зипуны и кофтаны лазоревые. И нам, государь, бедным холопам твоим, платья цветнова покупать нечим — в дальних твоих государевых в полевых службах и в повседневном драгунском ученье одоужали великими долги и обедняли и з домишками своими розорились до основания». Впрочем, и реакция на это оказалась у драгун не совсем стандартной: вместо того, чтобы требовать отмены приказа, они попросили казенного снабжения по примеру московских стрельцов или пушкарей: «И вели, государь, нам для своего царского многолетнего здравия из своей государевы казны дать сукна на зипуны и на кофтаны, в чом нам твоя государева служба служить и за тебя, государя милосердного, умереть!»

Никакой резолюции по этому поводу на челобитной не последовало. Через шесть лет, в апреле 1654 г. стольник А.В. Бутурлин написал в Москву: «Да у них же, государь, комарицких драгунав, к твоей государеве службе служилого цветного платья в поход нет: платья у них зипуны и сермяги долгополые сермяжные самые худые — не служилое платья. И о тех государь <...> и о служилом платье вели мне, холопу своему, свой государев указ учинить»⁴⁰. Бутурлин отвечал за подготовку к походу на Украину трех полков драгун Комарицкой волости и озаботился «цветным» служилым платьем неспроста. Дело не только в старой просьбе комаричан о казенном сукне — буквально за неделю до того через Путивль проследовал

в гарнизон Киева полк солдатского строя Юрия Гутцына в 2000 чел.⁴¹ Поскольку это был первый государев отряд на землях Его царского величества Войска Запорожского, его срочно обмундировали в новые одинаковые кафтаны из летчинного сукна⁴², да к тому же добавили черыки (башмаки) и чулки — и все за казенный счет⁴³. Но в Разрядном приказе снова проигнорировали севский запрос о цветном платье, что говорит само за себя на фоне оперативной реакции на другие требования Бутурлина.

Тем не менее нельзя полностью отрицать какой-то эффект от инициативы З.Ф. Леонтьева 1648 г. и, возможно, других воевод. Многие комарицкие драгуны являлись достаточно зажиточными людьми, особенно в начале службы, а торговые связи с Литвой, особенно до начала восстания Хмельницкого, были довольно оживленными. К 1660 г. курты, зипуны и доломаны лазоревых и зеленых сукон, наравне с прежними сермягами, прочно вошли в обиход ратных людей Белгородского и Севского полков — в том числе, и комарицких драгун⁴⁴.

Платье начальных людей

Дети боярские, особенно те, кто служил головами или другими начальными людьми, старались выделиться своим внешним видом. Уже упоминался помещик белгородец в зипуне и белом сермяжном кафтане; ливенец Айдар Зубцов в 1649 г. при получении жалованья имел на себе «саблю с ножны и с поясом — цена три рубли, да шапку мускую с пухом вишневу — цена рубль, да сумки — цена четыре гривны, да однорядку вишневу — цена четыре рубли»⁴⁵. Цветная однорядка: верхняя одежда из толстого сукна без подкладки, на завязках — представляет из себя элемент богатого костюма, она ни разу не встречается ни у кого из драгун и прочих украинских ратников.

Сохранилось известие о наградном костюме детей боярских из «старых смоленских солдат», которые учили драгун в Добром городище. В 1648 г. они обратились в Разряд с просьбой о пожаловании сукном, по причине своей скудости. С. Филатов написал: «В прошлом, государь, во 155-м году послан я, холоп твой, в Доброе городище для ученья драгунского строю. И живучи, государь, у твоиво государев дела, платьишком ободрался и обносился»⁴⁶. В итоге, 23 июня было выдано «государева жалованья Доброво городища драгунского строю начальным людям Селиверсту Филатову четыре аршина сукна аглинсково вишневого <...>, Новагоротка Северсково Ивану Ярлыкову вместо одинцу четыре аршина сукна аглинсково светло-зеленого <...> А пожаловал государь их: Селиверста за службу на кафтан, а Ивану Ярлыкову в приказ за службу». Через месяц, 17 июля, подобной же награды удостоился третий «учитель»: «Доброво городища драгунского строю начальному человеку Михаилу Доможирову четыре аршина сукна аглинсково вишневого ... а пожаловал государь ево за службу на кафтан»⁴⁷. При цене в 60—80 копеек за аршин английского сукна, подобные кафтаны стоили рубля по четыре — по пять, а то и больше (в зависимости от стоимость пошива и отделки — «приклада»), и несомненно выделяли их обладателей в среде рядовых поселенных драгун.

Данный обзор — результат специального изучения документов РГАДА на предмет костюма служилых людей городов Белгородской черты. Исследование продолжается, поскольку даже в узких рамках 1630-х — 1650-х гг. информационный потенциал источников далеко не исчерпан. Тем не менее, и приведенных сведений вполне достаточно, чтобы получить представление о внешнем виде первых русских поселенцев Белгородчины.

¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками. СПб, 1841. Т. I.

² Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. С объяснительным указателем Павла Савваитова. С 12 таблицами рисунков. СПб, 1865.

³ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. М., 1869—1895.

⁴ См. например: Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М., 2019. С. 105, 106, 130 и далее.

⁵ «Обидный список» к грамоте кн. А.И. Ногтева-Суздальского с росписью ущерб, нанесенного литовскими наездами на Полоцком рубеже (Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998. Т. III. С. 27—41).

⁶ Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. / ред. Ю.В. Готье // Смутное время Московского государства 1604—1613 гг. М., 1912. Вып. 6. С. 5, 7, 8, 13.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 14. Л. 648—652 и др.

⁸ Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всеа Русии самодержцев (с 1632 по 1682 год). М, 1844.

⁹ Там же. С. 139, 141, 147.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 14. Л. 425 (беглый холоп дьяка Т. Луговского).

¹¹ Полукафтан в данном случае — поздний «балахон», то есть крашенный кафтан; поскольку кафтаны было принято делать из плотных или дорогих тканей: сукна, шелка, киндяка, то аналогичное изделие из дешевой крашенины заслуживало названия только с приставкой «полу-», как «полубайдана», «полукармазин» и т. п.

¹² Для написания данного раздела изучены комплексы судебных дел, решавшихся в Разряде в 1640-е — 1660-е гг. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Дд. 201, 233, 262, 264, 274, 358, 383, 506; Оп. 12. Д. 227).

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 185. Л. 41.

¹⁴ Там же. Д. 264. Л. 32.

¹⁵ Там же. Д. 506. Л. 130.

¹⁶ Там же. Д. 358. Л. 277.

¹⁷ Там же. Д. 201. Л. 32.

¹⁸ Абинное — от «аба», «абинное сукно» (редкое и грубое шерстяное сукно).

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 274. Л. 49.

²⁰ Там же. Л. 384, 389.

²¹ Там же. Оп. 10. Д. 122. Л. 110.

²² Там же. Оп. 13. Д. 274. Л. 542.

²³ Там же. Д. 264. Л. 32.

²⁴ Там же. Д. 164. Л. 229.

²⁵ Medeksza, S.F. Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy księga pamiętnicza wydarzeń zaszlych na Litwie 1654 – 1668. Krakow, 1875. S. 36.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 205. Л. 48.

²⁷ Там же. Д. 264. Л. 32.

²⁸ Там же. Д. 274. Л. 389.

²⁹ Там же. Л. 162.

³⁰ Практически такой же комплекс одежды описан у одной белгородской дозорной станицы, разгромленной черкасами в 1631 году (Курбатов О.А. Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 71 Там же. 83. URL: http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5 (дата обращения: 11.06.2014)).

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 274. Л. 162.

³² Дело о сборе «драгунских шубных кафтанов» с городов см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Д. 122. Л. 119—246.

³³ Там же. Л. 158, 159, 230.

³⁴ Там же. Л. 210.

³⁵ Слова «и не опушены» вписаны поверх зачеркнутого в черновике «а не со всем зделанные и не опушенные».

³⁶ Слова «не против указу совсем не в деле» вписаны поверх зачеркнутого в черновике «не опушены и не совсем зделаны».

³⁷ «От кафтана от шитья и за ирху дано по четыре алтына» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 150. Л. 98 об. — изготовление кафтанов для солдат в 1666 г.).

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Д. 122. Л. 223.

³⁹ Там же. Оп. 12. Д. 287. Л. 201, 202.

⁴⁰ Там же. Оп. 13. Д. 285. Л. 704.

⁴¹ Барсуков А.В. Род Шереметевых. СПб, 1864. Кн. 4. С. 55—60.

⁴² Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671. М., 2006. С. 363, 364.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 153. Л. 183.

⁴⁴ Там же. Оп. 12. Д. 468. Л. 124 («фрухледь севских драгунов Анофрейка да Карпика, а чьи дети и как словут, того он не ведает: курта зеленая, да курта синяя, ветчаны»), 127 («севского драгуна Ивашки Яковлева зипун белой сермяжной»).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 274. Л. 540.

⁴⁶ Там же. Л. 91.

⁴⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 303-а. Л. 256—256 об., 272.